

ПО НИВЕ И МУЗЫ НАРОЖДЕНЬЕ

(Продолжение. Начало на 4—5 стр.).

от середины XIII века уходит вглубь времени на несколько тысячелетий.

Кроме двух шпешков, в напластованиях конца X века обнаружено свидетельство еще одного удивительного и также затерявшегося в нашей памяти древнего музыкального инструмента. Это подставка или кобылка с засечкой для одной струны. С этой находкой получает объяснение смущавшая до сих пор и головка однострунного музыкального инструмента периода XVI—XVII веков, которая была обнаружена археологами в скарбе русских полярных мореходов в Мангазее. Возможно, это и есть пресловутый смык, упоминаемый в древнерусских книгах. Деталь, найденная в Новгороде, удивительно схожа с кобылкой, точнее, с седлом южнославянского однострунного смычкового инструмента — гуслы. Считается, что с приходом гуслы в Европу примерно в IX веке связано начало европейской традиции музейирования на смычковых инструментах.

Словно по иронии судьбы вслед за описанной деталью из влажного слоя X века был извлечен необычный обломок. Это оказалась шейка настолько некогда изящного в очертаниях смычкового музыкального инструмента, что в его, к сожалению, утраченной головке, кажется, могло поместиться не более одного отверстия для шпешка. Теперь преследует неотвязная мысль: вот, де, так близка была возможность непредположительно узнать о форме и устройстве еще одного бытовавшего на Руси гудебного сосуда — однострунного.

Если согласиться, что именно такому принадлежал этот обломок, то однострунный инструмент, возможно, именовавшийся смыком, отличался от грушеобразного в очертаниях трехструнного гудка лишь зауженными формами. Может быть, этим оправдывается путаница в названиях: одни считают, что смык и гудок — названия, в разное время присвоенные конструктивно одному инструменту, другие, и в частности, И. Ямпольский, полагают, что за этими названиями скрываются различные инструменты, на которых «власеном лучшем посмычали», то есть извлекали звук с помощью лукообразного смычка, прядь конских волос которого была натерта смолой хвойных деревьев — канифолью.

О трехструнном гудке в новгородской археологии до сих пор было собрано немало сведений — от больших и малых обломков, от инструментов, подчас мастерившихся детскими неумелыми ручонками, от гудков с уцелевшими основными их деталями — долбленым корпусом и тонкой с двумя полукруг-

лыми вырезами полочкой до топором тесаных заготовок, одна из которых, хотя и обугленная, чудом уцелела в пасти пожара. О, этот враг древотельных хитростей, коими славились новгородцы! Да, немало известно о гудке, но вместе с тем десятилетиями приходилось мечтать о находке, например, небольшой, но существенной в конструкции гудка детали, составлявшей комплекс струнодержателя — кобылке.

В реконструированных гудках долгое время использовался ее условный вариант в виде простой плашечки. И всего лишь год минул с того мгновения, как выяснилось, что еще в 1987 году эта деталь с двумя ножками и тремя засечками для струн прошла нераспознанной в потоке поступающих с раскопа мелких деревянных предметов, поделок непонятного назначения, детских игрушек, в том числе и игрушечных коников. Асимметричная, эта деталь действительно чем-то могла напомнить незавершенную игрушку конника. Сам факт выявления ее в коллекционных журналах был чрезвычайной неожиданностью. Но еще большее впечатление произвел другой факт: среди окружавших ее в слое середины X века вещей она оказалась древнейшей.

ДАВНО ПОДМЕЧЕНА такая закономерность. Увиденный однажды искомым предмет, его тип, впоследствии как бы сам себя выявляет в хаосе инородных вещей. Так случилось и с кобылкой гудка. Узнавая в прошлом году, она встретилась в нынешнем археологическом сезоне, не говоря о подставке однострунного инструмента, еще трижды.

Одна из них, обнаруженная в слое рубежа X—XI веков и достигающая в длину около одиннадцати сантиметров, оказалась вдвое крупнее открытой год назад. Значит, на рубеже I и II тысячелетий различие в размерах смычковых инструментов было примерно такое же, как и в XVII веке; в письменных источниках этого времени упоминаются — гудочек, гудок, гудище.

Две другие кобылки были обронены на землю в середине X века. Исполненные руками скульптора в художественном стиле, по которому узнаются многие северноевропейские шедевры, они еще раз убедили в том, что первопоселенцы Новгорода владели конструктивно самым сложным для своего времени музыкальным инструментом — смычковым трехструнным гудком.

История гудка, подобно другим музыкальным инструментам, туманна и одновременно занимательна, как история человечества. Считается, что его происхождение связано с центрально-азиатским культом лошади. Чему подтверждением являются названия сла-

гающих частей европейских смычковых инструментов, в первую очередь южнославянской гуслы. Вот они: голова, шея, хвост, спина, седло или кобылка. Мифологический образ гудка раскрывается в былинае «Вавило и скomorохи», сюжет которой, по мнению А. Ф. Белоусова, восходит к периоду индоевропейской общности. В былинае сказывается о волшебном повелении святых скomorохов Кузьмы и Демьяна:

«Заиграй, Вавило, во гудочек,
А во звончатой во переладец
А Кузьма с Демьяном припособит».

После чего вожжи в руках у Вавило-оратая превращаются в шелковые струнки, а понюгалыце, то есть кнут, — в погудальце, то есть смычок. Остальное внимающему ясно: **былинный гудочек** — это звучащий конь. Остается добавить, что эта былина, записанная в 1900 году в Олонецком крае от выдающейся сказительницы Марьи Дмитриевны Кривополеновой и сохранившаяся только в ее памяти, причислена специалистами к новгородскому циклу былин. Кстати, другие герои этого цикла — легендарный Садко, Василий Буслаев, безымянные скomorохи владеют искусством игры на гуслях.

Согласно «Повести временных лет», на Руси в XI веке по обычаю перед князьями звучали в ансамбле различные музыкальные инструменты. Среди них упоминаются и бубны. От этих мембранных инструментов в новгородских раскопках выявлены лишь колотушки в виде палочки со свилеватым шарообразным наросом. Обломком предполагаемой колотушки бубна был обнаружен и минувшим летом в слоях земли вместе с упомянутыми музыкальными древностями.

Несомненную ценность являет собой и иного рода колотушка, точнее, молоток середины X века, аккуратно вырезанный из цельного куска ясеня. Таким молотком, подавая сигналы, по видимому, ударяли в металлическое блюдо (гонг). Традиция использования в греческой церкви блюда в качестве сигнального и музыкального инструмента отмечается в «Проскитари» или «Поклоннике» Арсения Суханова 1653 года, где говорится: «А в кандию и в блюдо ударяют во глас пения, якобы в кимвалы; а громки гораздо, и глас разсыпается, якобы кимвальныя струны». Возможно, именно такого типа «серебряное блюдо» упоминается в жалованной грамоте великого князя Мстислава и сына его Всеволода Юрьеву монастырю (близ Новгорода) 1130 года.

Среди различных находок, сопутствовавших перечисленным музыкальным древностям, особо обращают на себя внимание: обломки греческой амфоры, бусины восточного происхождения, кушочки или изделия из приднепровского или балтийского янтаря, бронзовые фибулы — от невеликих до огромных и тяжеловесных, вислая свинцовая печать с портретом Ярослава Мудрого и надписью «Ярослав князь русский», непонятного назначения костяные про-

(Окончание на 7-й стр.).